

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

Известия - 1997 - 21 авг. - с. 4.

В любви человек равен самому себе

Человек в любви проявляется не меньше, чем в экстремальных ситуациях, считает автор всемирно известных документальных книг «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью» и только что изданной в Москве, Швеции и Германии «Чернобыльской молитвы».

— Светлана, услышал ли кто-нибудь вашу молитву? Ваше страшное предупреждение: после Чернобыля человечество лишилось бессмертия, все живое может быть однажды убито?

— При большом стечении народа презентация книги прошла в Москве, в Сахаровском центре. Издатели не только Европы, но и США, Японии заинтересовались «Чернобыльской молитвой». Книга не вышла только дома, в Белоруссии, где попросту закрыли чернобыльскую тему.

У меня был интересный разговор с немецким политологом, которого потряс не отчаянный героизм наших людей, а совершенно неизвестная им культура страдания. В книге есть история о том, как в больницу через все конвои к умирающему мужу пробиралась беременная женщина. Она думает, что весь мир сошел с ума, раз ей говорят, что это не любимый человек, а объект, подлежащий дезактивации. В итоге она родила мертвого ребенка, но она опять и опять пошла бы ласкать руки того человека-реактора. Европейское же сознание скорее отдаст предпочтение благоразумию поступков, чем безумию чувств.

— Много лет вы записывали исповеди людей в пограничной ситуации: как человека убивала война, разрушенная империя, космическая катастрофа, и вдруг вы начинаете слушать и писать книгу о любви. Это решение от усталости, от озарения?

— Я не поехала в Чечню, хотя мой немецкий издатель предлагал большие деньги. Физически не могу больше думать о человеке с ружьем. Нет таких идей, которые стоили бы человеческой жизни. Когда я увидела пресс-конференцию

Елены Масюк после плена, ее великое достоинство, то подумала, что уже у новых людей появятся новые догадки, каково лицо у гражданского войны.

— Меня тоже потрясла еще не привычная нашему героическому сознанию правда: нет такого репортажа, который стоил бы ста дней плена.

— Да, нам еще надо учиться думать о том, что такое подвиг и кому он нужен. В последние годы мне стало очевидно, что есть территория, на которой человек проявляется гораздо больше, чем на войне или в экстремальной ситуации. Территория отдельного человека приобрела ценность. Он вернулся с баррикад и понял, что у нас ничего не осталось, кроме друг друга. Кроме любви.

— А вам не страшно браться за тему, в которой разбираются все? На вас не будут давить авторитеты великой классики?

— Мне кажется, что наша литература терялась перед человеком биологическим, может, от аскетизма или целомудрия. Тургенев и Бунин — это чудное ожидание любви. Каждый школьник рассказывает, как Базаров резал для опытов лягушку, но даже аспирант затруднится рассказать, как он ухаживал за женщиной.

Наша способность быть всегда несчастными уже стала вселенским фактом. Вечно мы зовем Русь к топору или к автомату Калашникова, а к божественной заповеди любить и быть счастливыми не подвигаем ни на йоту.

— Каждая ваша книга начиналась с одной отдельной истории...

— Книга у меня начиналась тогда, когда появлялось, как ключ, ее имя. Например, Афганистан слу-

чился с двух слов — цинковые мальчики.

Книга о любви пошла с гриновской строки: вечный олень дивной охоты. Сегодня я уже выслушала около ста исповедей-историй. Как-то женщина-врач спросила меня — вам что рассказывать, что я хороший работник, хорошая жена и мать или про главное в жизни? И она рассказала, с каким грехом и счастьем любила. Этот подпольный человек в нас самих так мало познан.

— А вам не страшно его познать? Может, он потому так глубоко и прячется, что низок и греховен.

— Десятилетиями мы рассуждали вслух о войне, целине и космосе, а о себе считали неприличным говорить. Хотят и говорят, чужая душа — потемки, но там очень много света.

— И все-таки, какая история была первой?

— Скорее, ситуация, чем история. Я была в гостях, за столом сидело два поколения. Одно ветхозаветное (плодитесь и размножайтесь), говорило об идеале русской женщины. Это та, которая ждет пять лет с войны и десять лет — с тюрьмы.

Домой я возвращалась с их внучкой, молодой женщиной. Это уже другое поколение, которое никогда не поставит знака равенства между жизнью и освоением Арктики. То поколение пряталось за идею, это — за флер. Они рациональны, тем не менее автомобиль и колбаса никогда не будут их флагом.

Неожиданно она рассказала о своих воспоминаниях, которые преследуют ее до сих пор. Ей было три-четыре годика, несколько родственников семей тесно жили в одной квартире. Муж сестры ее матери, как и все взрослые, ласкал малое дитя. До сих пор она помнит его волчий черный зрачок, как он приближался к ней, когда никого не оставалось дома. До сих пор она

страшится близости, хотя и стала молодой женой.

Небо и бездна живут в человеке одновременно. Вот этого голого человека на голой земле мы совершенно не знаем.

Литература боится такого человека. Постмодернисты моделируют его, а заглянуть вовнутрь — нет силы духа.

— А вы знаете истории любви со счастливым концом?

— Пока нет. Хотя очень хочется написать счастливые истории, но не мое ухо повинно в этом... Разговариваем. Она убеждает, что счастлива, но вдруг как вспомнит, как когда-то с одноклассником на качелях... И такая тоска на нее накатывает. И начинается непередаваемое на другие языки славянское «душа болит».

— Говорят, что между географией пространства и географией души есть связь. Может, поэтому люди в маленьких тесных странах до сих пор пытаются понять, что это за феномен — русская душа.

— Западные феминистки, будто на освоение целины, едут к нам с горящими глазами и с потухшими через год уезжают. Оказывается, наша женщина уже не хочет равенства с мужчинами в небе, на земле и под землей. Все это у нее уже было: девушки на трактор, девушки на самолет! Сегодня она хотела бы посидеть на подушке с бантиком.

— У мужчин и женщин разнятся взгляды на любовь?

— Да, это две разные цивилизации. Женщина, даже доведенная до отчаяния, никогда не бывает одинока. Ей всегда есть за что уцепиться. Одиноким бывает мужчина.

— Как-то Сергей Образцов говорил, что если после разрыва мужчина не застрелился на второй день — через неделю он здоров, а женщина той любовью может болеть всю жизнь.

— Скорее всего, так. Я вспоминаю рассказ одного мужчины, как он летел в самолете с любимой

женщиной, чужой женой. Ему было так хорошо, те мгновения в небе казались истинным счастьем, и он представил, как на земле все пойдет из-за обмана на убыль. И тогда ему захотелось единственного, чтобы самолет взорвался в небе, пока они вместе. Его не интересовала граница добра и зла, другие пассажиры. Мужчина от любви чаще берет все сегодня и сейчас, женщина более самоотверженна, но и это ее знаменитое качество идет на убыль, когда она видит в мужчине охотника, противника и даже врага.

— Сколько же у вас может занять работа над этой книгой?

— Как обычно, три-четыре года. Я делаю сотни записей, ищу идеи. Появилось ощущение, что будут новые догадки. Мне повезло, что именно сейчас занялась этой темой. Лет десять назад это была бы совершенно другая книга. Люди сегодня хотят понять себя. Человек вернулся в одиночество.

Вспомним лучшие западные романы и фильмы. Главное, что волнует героя, — почему я сплю с этой женщиной, а не вопросы социального равенства. У нас же было все исключительно наоборот.

— Непросто, наверное, писать и говорить о любви, когда жизнь

в Белоруссии стала необычайно сложной, политика идет не только впереди чувств, но и разума, и даже здравого смысла.

— Истерия с журналистами-шпионами еще раз доказала наше бессилие. Интеллигенция со своей работой просто не справляется. Дело не в Лукашенко. Дело в народе, который поддерживает Лукашенко. Мы, интеллигенция, боимся власти. Народ боится хаоса без власти, что такое свобода, он пока знать не знает. У белорусского сопротивления большой дефицит людей типа Алеся Адамовича, белоруса европейского уровня. Сегодня самое унижительное — наше писательское бессилие, а не то, что дом Союза писателей забрала на днях администрация президента.

— После публикации в «Известиях» глав из «Чернобыльской молитвы» был огромный читательский резонанс. Рады будем представить и вашу новую книгу «Чудный олень вечной охоты».

— Спасибо. Я думаю, у читателей «Известий» есть свои неповторимые истории любви, которые могут стать главами этой будущей книги.

Ядвига ЮФЕРОВА,
«Известия».